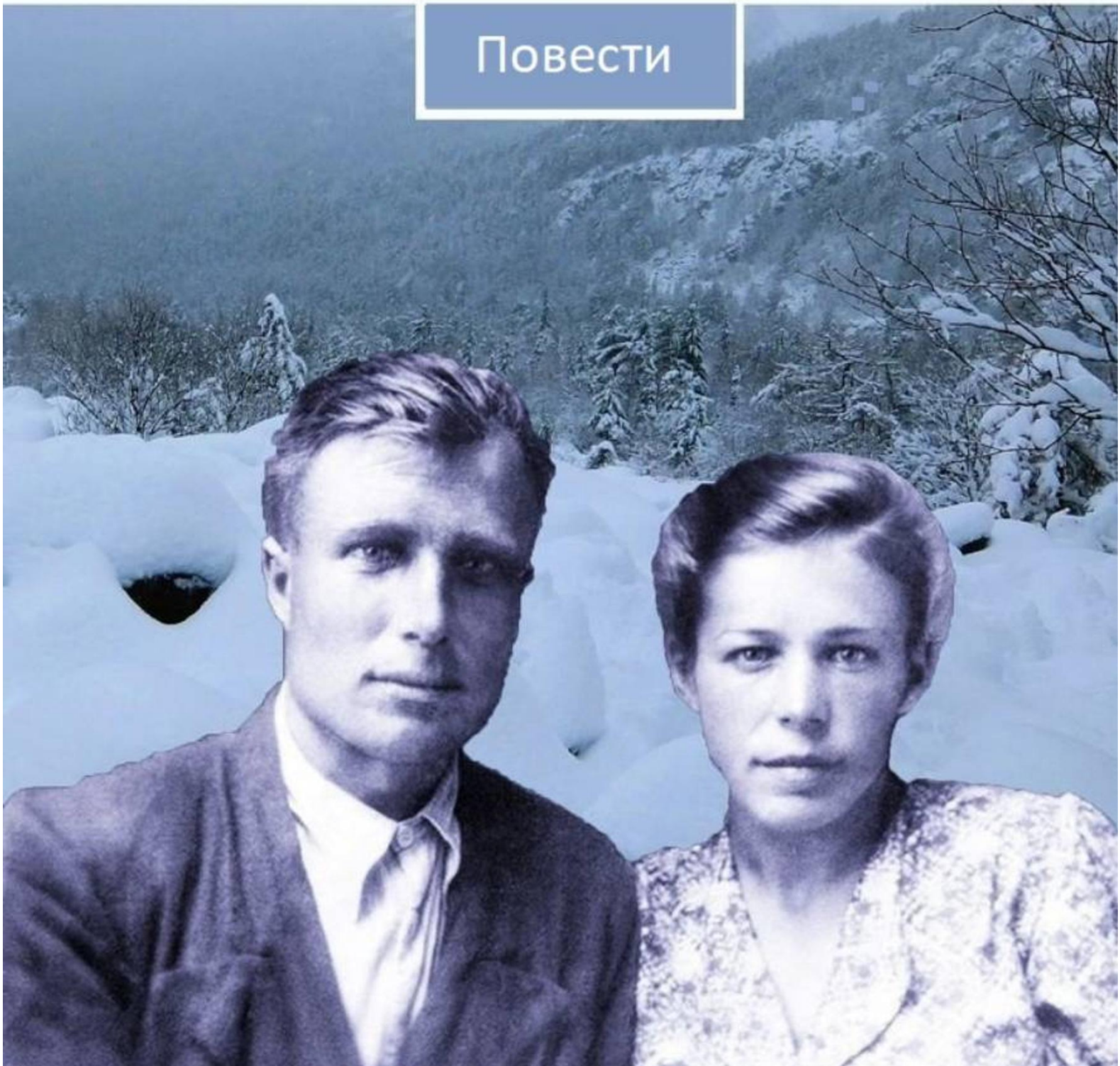
ЮРИЙ ВАСЯНИН

Платон и Дарья

Повести

Юрий Васянин

Платон и Дарья

«Автор»
2026

Васянин Ю. П.

Платон и Дарья / Ю. П. Васянин — «Автор», 2026

Для нынешнего поколения Гражданская война в России это уже далекая история. Повесть "Платон и Дарья" повествует о том, как в то время любовь между Платоном и Дарьей подверглась жестоким испытаниям.

© Васянин Ю. П., 2026
© Автор, 2026

Юрий Васянин
Платон и Дарья

Пролог

Над зубчатым лесом медленно встало расплавленное солнце. Оно поднялось еще низко, но уже установилась непереносимая жара. От безжалостного солнца воздух наполнился нестерпимым зноем, а дальний лес окутался сизой дымкой. По синему небу без конца ползли обтрепанные ветром редкие тучки, асфальт и лес покрылись тонким слоем пыли.

Автомобиль с Платоном и Павлом Перелыгиными стремительно летел по пустой грунтовой дороге, свитой серпантином среди зеленых холмов и оставлял за собой длинный шлейф серой пыли. Мимо проносились села, поля, леса, реки и мосты. Все краски природы врывались в раскрытое окно автомобиля, а яркие солнечные лучи светили сквозь пыльное стекло, ослепляя глаза отца и сына. Лето было в самом разгаре.

И вдруг Павел увидел такое зеленое поле, что невольно воскликнул:

- Смотри, отец, какая яркая трава. Я ничего подобного в жизни не видел.

- Да, очень зеленая трава, – подавив вздох, согласился отец.

Трава действительно была невероятно сочной, но Платон видел перед своими глазами совсем иную картину – свою прошлую жизнь в Старом Хуторе.

Прошло почти полвека, как Платон покинул родные места, а он помнил каждое дерево и каждый поворот дороги. Старик заметил, что у самого края дороги стояла старая поникшая липа, которую двумя руками не обхватишь. Пустой ствол дерева развалился пополам, а засохшие верхушки склонились к самой земле. В старые времена под ее широкой кроной путники скрывались от жарких лучей солнца.

“И у деревьев как у людей: рождение, молодость, старость”, - невольно подумал Платон.

До Старого Хутора осталось рукой подать. Справа поле, а за ним лес, в который Платон с отцом ходил в молодости на охоту. Один раз здесь Семен Алексеевич упустил целое стадо кабанов. Это случилось после нескольких часов ожидания в засаде. Едва из кустов выскочил секач, отец выстрелил и промахнулся. Неожиданно на поляну выскочило еще несколько кабанов. Пока растерянный Семен Алексеевич перезаряжал ружье, лесные животные проскочили мимо и исчезли в густом лесу. Собаки устремились за ними, но вскоре вернулись обратно и недовольно заскулили.

Отец растерянно развел руками:

- Целое стадо пробежало, а я с пустыми руками остался. Ты в хуторе никому не говори - засмеют.

Слева пролетела старая каменная гряда. Раньше на этом месте добывали природный камень для строительства церкви в Старом Хуторе. Отец рассказывал, как над ним однажды подшутили казаки, когда он уснул на груженной телеге на дороге от каменной гряды к хутору - они развернули его лошадь с телегой в обратную сторону. Проснувшись, отец сразу же погнал свою лошадь к хутору, как ему думалось, но смех попавших навстречу казаков с нагруженными телегами, привел его в замешательство.

- Ты, зачем паря камни обратно везешь? - спросил казак и загоготал.

Жара томила. Воспоминания о родителях кольнули сердце как иголками. Острая боль не проходила, Павел заметил, что отец переменился в лице. Стало особенно заметно, что бывалый казак уже постарел и поседел весь.

- Что с тобой, тебе плохо?

Побледнев, Платон Семенович ответил, не повышая голоса:

- Останови автомобиль, я отдышусь.

Автомобиль съехал на обочину дороги. Платон открыл дверцу, поставил ноги на землю и уронил седую голову на грудь. Утренний зной беспощадно палил землю. Жара - будто пламя пышет.

Павел вышел из автомобиля, подошел к отцу и дрогнувшим голосом сказал:

- Первый раз тебя таким вижу.

Платон Семенович медленно поднялся с места:

- Значит редко видимся. Передохнем немного, а то мне что-то грудь сдавило.

Вдруг он покачнулся и сын, подхватив его под руку, участливо спросил:

- Ты себя хорошо чувствуешь?

Отец взволновано посмотрел на сына:

- Павел, мне было чуть больше двадцати лет, когда я потерял своих родных. Как я скучаю о них, если бы ты знал. Хоть бы один день побыть с ними. Я почти уже не помню их лица. У меня не сохранилось ни одной их фотографии.

- Ты мне говорил об этом. Они на пожаре сгорели. Но ты мне почти ничего не рассказывал о своих родителях, поэтому я мало что о них знаю.

- А ты не очень интересовался ими, Павел, – в голосе отца прозвучала легкая обида.

- Справедливое замечание, но все-таки расскажи как-нибудь о них. Я только знаю, что ты их рано потерял. Извини, но так получилось: ты мне ничего не рассказывал, а я ни о чем не спрашивал тебя.

Платон Семенович чуть приметно улыбнулся:

- Поехали, мне уже лучше стало.

- Вернемся домой, сходи в поликлинику, – твердо попросил Павел.

В десять утра автомобиль выскочил на плоскогорье. В середине лощины раскинулось заново отстроенное село. Людей на улице почти не было видно – все попрятались от жары. На горе высилась серая церковь, построенная в позднем классическом стиле. Вернее, то, что от нее осталось. Теперь в ней размещался хозяйственный склад.

Рядом с церковью из-под земли бил незамерзающий прозрачный родник и звонко убегал вниз по глубокому оврагу. Вода пробилась после того, как на купол установили крест. Позади церкви виднелись остатки Старого Хутора, несколько разбитых срубов и одинокий столб от ворот Чернавиных.

И там, где раньше были поля казаков, теперь росла колхозная пшеница. Желтое поле разделяла пополам грунтовая дорога, уходящая за горизонт. Между лесом и хутором протекала узкая река, на высоком берегу высился грациозный серо-белый утес. Он был красив и загадочен, а обугленные остатки домов и стропил говорили о прокатившейся здесь Гражданской войне.

- Здесь остановись, Павел, - приглушенно потребовал отец и, прищурив глаза, посмотрел на плоскогорье, словно что-то припоминая.

Скрипнули тормоза, и Перелыгины вышли из автомобиля. Горячий ветер принес горький запах полыни и поднял в воздух белое облачко из одуванчиков. Высоко в небе ласточки острыми крыльями рисовали узоры.

От жары тело Платона Перелыгина отяжелело.

Встав лицом к поруганной церкви, отец перекрестился и возвысив голос, воскликнул:

- Простите меня, братья. Я вас всех помню и никогда не забуду. Вы были настоящими казаками.

Павел удивленно посмотрел отца:

- Какие казаки, отец? Ты мне ничего об этом не рассказывал.

- Не рассказывал, значит, так нужно было. Меньше знаешь - лучше спать будешь. Принеси-ка мне сверток из автомобиля, – понизив голос, попросил отец.

Павел принес длинный сверток. Старик развернул его, достал старую шашку с потертой рукоятью и серую поношенную папаху, которую тут же натянул на голову Павла.

- Повторяй за мной слова казачьей присяги. Я, Перелыгин Павел Платонович, клянусь честью казака перед Богом…верно служить, не щадя живота своего до последней капли крови…обещаю быть честным, храбрым, и не нарушать своей клятвы…в чем мне поможет Бог…

Павел слово в слово повторил за отцом клятву. Отец протянул шашку, лежащую на его крепких ладонях и строгим голосом, не допускающим никаких возражений, сказал:

- Целуй!

- Я тебя не понимаю. Что ты хочешь этим сказать?

Смутившись, Павел недоуменно уставился на отца, но спорить, не стал. Он взял в руки шашку изумительной работы и прикоснулся сухими губами к отполированному металлу.

- Мы от казаков повелись, Павел. – сказал отец. - По казачьей традиции я должен передать тебе свою шашку.

- Хорошо, – недоуменно произнес Павел.

- Теперь ты стал казаком, – сказал отец и немного помолчав, тихо добавил: - Я все же надеюсь, что когда-нибудь еще возродится казачество, потому что дух казачий не может погибнуть. Только будет ли оно таким, каким было? Если я не доживу до этого времени – ты доживешь. Принеси крест и лопату из багажника.

Павел вытащил из автомобиля лопату, деревянный крест с мраморной табличкой и медленно прочитал:

- Казакам, отдавшим жизнь за веру и отечество.

- Так и было: за веру и отечество.

- Мне кажется, девиз звучал иначе: за веру, царя и отечество.

- Увы, казаки за царя сражаться не стали.

Когда они установили крест и обложили его природными камнями, отец принял самое почтительное выражение лица.

- Деревянный – сгниет быстро, - сказал сын.

- Если устоит – ты заменишь, - ответил старый казак и вытер пот со лба ладонью. - Поехали на утес, Павел.

Автомобиль проскочил через новое село и остановился на крутом берегу реки, где сплелся ковер из засохших ромашек. Трава на утесе почти выгорела от долгой засухи.

Хлопнув дверьми, отец с сыном вышли из автомобиля.

- Какая красота, отец! – с нескрываемым восхищением сказал Павел, стоя на утесе.

- На реке вся жизнь казачья проходила. Молодежь любила коротать часы на утесе. Казаки часами сидели до самого рассвета.

– Как же здесь хорошо.

- Почти пятьдесят лет прошло, а все осталось, как было. И эти две сосны на утесе тоже росли. Только этой беседки не было, - проговорил отец и с сожалением добавил: - Но здесь нет главного. Нет казачьего хутора и нет казаков, которые тут жили.

Платон провел рукой по шершавому стволу дерева.

- Выросли барышни – даже не узнаешь. Пойдем к реке, умоемся после дороги.

- Пошли.

- Иди впереди, я за тобой тихонечко пойду.

Старик осторожно спустился к реке и остановился на самом краю берега. Вода не приносила прохлады, она была как парное молоко. В ее ровной глади как в зеркало отражалось небо и солнце, а по утесу мельтешили солнечные блики.

Неожиданно перед глазами Платона одна за другой начали вставать картины из далекой юности. В его голове воскресло много воспоминаний. За несколько секунд одним мигом про-

летела вся жизнь в Старом Хуторе. Ему вспомнились голосистые девушки, чубатые молодцы, бородатые деды и, конечно же, его любимая Дарья. Ее образ то и дело всплывал перед думным взором казака.

И вдруг она явилась ему настолько явственно, что он даже вскрикнул:

- Дарья!

- Какая Дарья? - Павел опять недоуменно поглядел на отца.

Платон Семенович достал из кармана письмо и подал Павлу:

- Я тебе ничего не мог сказать раньше. Дарья была моей первой женой. Я не смог вытравить память о ней. Прочитай письмо, я очки дома оставил.

Павел вслух прочитал короткое письмо:

- *"Здравствуй дорогой, Платон! Я тебя всю жизнь искала и только совсем недавно нашла тебя на Урале, чему несказанно обрадовалась. Наша жизнь друг без друга прошла быстро: пятьдесят лет пролетели одним мигом.*

Когда ты меня отправил тогда со станции Мысовой, я еще долго болела и пришла в себя только во Владивостоке, куда санитарный поезд пришел из-за наполненности госпиталей в Чите.

Во Владивостоке меня охватил дикий ужас, когда поняла, что мы можем больше никогда не увидеться. Если бы ты знал, как я плакала, оказавшись на берегу Тихого океана. Возвратиться в Читу я уже не смогла. Проклятая Гражданская война навсегда разлучила нас с тобой. Я часто вспоминаю то время. Как мы смогли выжить - до сих пор не понимаю.

Я долгое время ждала тебя во Владивостоке, потому что всем сердцем чувствовала, что ты остался жив, а потом уехала через Корею в Китай, где работала на текстильной фабрике, а затем в Австралию. И здесь в настоящее время я проживаю в казачьей общине. Мне очень хочется, чтобы мы с тобой встретились. Эта встреча очень важна для нас обоих. Надеюсь, что ты мне ответишь. Я буду каждый день ждать твоей вести…"

- Как мы смогли выжить, - повторил вслух Платон слова Дарьи, а про себя промолвил: "Прости меня Дарья, но судьба обвенчала меня с другой женщиной. Мне очень жаль, что ты тогда не нашлась в Чите. И я рад, что ты помнишь обо мне в чужой стране. Возвращайся скорей на родину".

Платон еще долго находился в состоянии воспоминаний. То, что копилось в его голове годами, возникло в воображении. Он был серьезен и до крайности молчалив. Старик лишь изредка вставлял слово в разговор или кивал в знак своего согласия, а Павел крепко держал нить разговора в своих руках.

Ветер угнал за горизонт последние тучки. Сквозь нежно-зеленую хвою сияло июльское солнце, а в безоблачном небе парил коршун, высматривая себе добычу. Вдруг к нему подлетел черный ворон и стал яростно нападать на него. Он бил его крыльями, когтями, клювом. Ворон защищал свой выводок, который находился на крупных ветвях огромного тополя. Но вот коршун, плавно спланировал вниз, затем камнем кинулся к дереву и, схватив когтями на верхушке тополя маленького вороненка, растворился в темном лесу.

- Отец, прошел всего лишь год, как умерла мама, поэтому я не хочу, чтобы ты встретился с Дарьей. Память о матери мне очень дорога. Ты должен помнить о ней, потому что она выходила тебя в госпитале и спасла от смерти во время Гражданской войны, – запинаясь, и с жаром проговорил сын.

- Елизавета мне дорога, Павел, но с Дарьей почти пятьдесят лет назад мы обвенчались в церкви. Ты должен понять меня: на Земле живет женщина, которую я сильно любил. Я все время испытывал невыносимую тоску по ней. Иногда мне хотелось даже кричать в пустоту, – тихо, но внятно ответил отец.

Платон высказывал свои мысли так ясно, что было понятно, он не один раз раздумывал над этим. Его взгляд даже оживился после сказанных слов.

- Давай пока оставим в стороне этот вопрос, – робко предложил Павел.

- Хорошо, – согласился отец и спросил, не отрывая блестящих глаз от реки: - Может быть, покушаем?

- Я сейчас что-нибудь приготовлю, – поспешно отозвался сын.

Павел быстро навел порядок на столике и выложил на него разнообразные продукты.

Отец наполнил водкой два небольших граненых стаканчика.

- Давай помянем добром братьев казаков.

И они, не чокаясь, выпили до дна. Затем Платон нарвал возле беседки белых ромашек и бережно положил на камень, где они часто сидели с Дарьей.

Неожиданно старый казак выпрямился и начал читать стих:

Эти дни не могут повторяться, -
Юность не вернется никогда.
И туманнее, и реже снятся
Нам чудесные, жестокие года.

Отец придал голосу прежнюю силу и твердость.

- Кто автор этих замечательных слов? – заинтересовано спросил Павел.

- Донской казак Николай Туроверов. Это Дарья в письме прислала, - громко сказал отец и, прислонившись к шершавому затертому стволу старой сосны, тихо добавил: - Через месяц она в Ленинград приезжает.

- А что произошло с вами, отец?

Небо по-прежнему было чистым – ни одного облачка. Оно прямо сияло своей глубинной чистотой. Из голубой бездны яркое солнце испепеляло жаром сухую землю. Оно поднялось высоко и жгло так нестерпимо, что даже тень под деревом не спасала от пекла.

Зной повис над развалинами хутора, южный ветер не принес прохлады.

***

Платон Перелыгин получил довольно опасное ранение. Пуля прошла рядом с сердцем, только чудом ему удалось выжить. Какое-то время он находился между жизнью и смертью. В его теле все время лихорадочно скакала температура. Кризис миновал лишь на третий день, но перед тем как он очнулся, ему почудился родной голос Дарьи. Она будто вживую появилась рядом с ним.

На этом фоне Перелыгин раскрыл глаза и утомленным взглядом окинул переполненную ранеными казаками палату, потолок, стены. Кругом белели повязки с красными пятнами крови. Кто-то, превозмогая боль, тихо сквозь зубы матерился, а кто-то метался в бреду и хрипел.

Воздух, настоянный на дурно пахнущей смеси лекарств, гниющих ран и человеческой крови, несмотря на открытые форточки, был спертым и совсем не выветривался. От невыносимой духоты у Платона кружилась голова, а в висках сильно стучала горячая кровь. Его глаза были такими же мутными, как и разворачивающийся за окном рассвет.

Перелыгин не знал где он и что с ним, он будто только что появился на свет. Платон имел измученный и растерянный вид. Потерянный казак ощупал себя, кровать и осмотрелся вокруг. Его лицо было строго, а в голове происходила какая-то мучительная работа.

Прошла минута другая, и вдруг прорезался чей-то голос. Перелыгин поднял глаза и, увидев над собой красивое девичье лицо, не смог удержаться от того, чтобы не спросить, что с ним случилось.

Сестра в сером платье с красным крестом на груди склонилась над ним.

- Очнулся? В госпитале ты, – грудным голосом ответила она. - Ранили тебя. Сможешь идти?

- Смогу.

В этот миг память казака прояснилась, и в голове всплыли разрозненные картины последнего боя. Взглянув на девушку, Платон вздрогнул и почувствовал сильные удары сердца. Сестра милосердия была очень похожа на его Дарью.

- Идите за мной, я вас перевяжу.

Платон проследовал за девушкой. Госпиталь блестел чистотой, все было вымыто и отдраено. В перевязочном кабинете сестра милосердия начала медленно разматывать окровавленные бинты. Ее сосредоточенные глаза смотрели строго и твердо.

И хотя она делала все очень осторожно, однако Платон то и дело вскрикивал от сильной боли. Чтобы сдерживаться, казак крепко сжал челюсти, но тихий стон все же прорывался сквозь плотно стиснутые зубы. Затем сестра милосердия взяла в руки острый ланцет и точными движениями вскрыла рану. Очистив рану от гноя, девушка чем-то ее обработала и стала забинтовывать.

Платон завязал простой разговор, чтобы отвлечься от боли.

- Как вас зовут?

- Елизавета.

- Мне лечиться долго придется? – спросил он, едва сестра закончила бинтовать.

- Доктор сказал, что до конца лета пробудете, – ответила девушка и отложила историю болезни в аккуратную стопку.

После перевязки Елизавета отвела казака в столовую, где Перелыгин немного, но жадно поел и возвратился в палату. А там дышать нечем: кто-то наглухо запечатал окна. Платон распахнул форточку и в палату ворвался живительный воздух.

Сквозь серые шторы в палату пробились яркие солнечные лучи, от которых в душе казака вспыхнула новая жизнь. Она бодрящими токами прошла по всему телу, и самочувствие казака резко улучшилось. Перелыгин остался стоять у раскрытого окна. В этот день в его душе произошла перемена. Печальное лицо и лучистый взгляд девушки встревожили казака.

В полдень Платон вышел из госпиталя, и едва не захлебнулся от свежего воздуха. Он пьянил как хорошее многолетнее вино. Хотелось широко расправить грудь, чтобы глубоко вздохнуть, но внутри из-за ранения нестерпимо ныло. Но все же казаку было радостно, что ему удалось избежать смерти и что он снова сможет увидеть своих родных.

Платон одиноко побродил по зеленым дорожкам госпиталя. Возвращаться в пропахшее лекарствами и душное помещение не хотелось, но другого выбора не было. Когда казак вернулся в палату, она гудела как пчелиный улей. На кроватях стояли и сидели беспокойные фигуры казаков.

В коридоре неразборчивые крики голосов усилились и скоро переросли в гул. Слышались тяжелые хрипы, стоны и ругательства. Один молодой казак, как безумный махал в воздухе руками.

От волнения Перелыгин был не в состоянии понять, что происходило.

- Что случилось? По какому случаю шум?

- Вспомнили царскую семью.

Казаки вспомнили, что, во время европейской войны Романова и ее дочери делали все, чтобы спасти наибольшее количество раненых и больных. Для этого Александра Федоровна, Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна закончили фельдшерские курсы княжны Гедройц, и стали служить в госпитале простыми сестрами милосердия.

Нужно было иметь чистые сердца и души, чтобы отважиться на такой благородный поступок. Такими качествами могут обладать только глубоко верующие люди. А именно такими и были Романовы, но их доброе дело не ограничилось только этим. Царская семья жертвовала

личные сбережения на содержание лазаретов, госпиталей и санитарных поездов. Наряду с этим Александра Федоровна сумела организовать работу свыше восьмидесяти лазаретов и госпиталей. В то же время она создала двадцать санитарных поездов, которые ежедневно вывозили с западного фронта тысячи раненых солдат и офицеров.

В этом добром деле Александра Федоровна показала себя хорошим руководителем, а вместе с великими княжнами еще и способной сестрой милосердия. Романовы участвовали в самых сложных операциях и любое дело исполняли с особым усердием. Хотя они несколько раз чувствовали себя плохо от дурно пахнущих лекарств и гнилых ран. Однажды одна из великих княжон даже в обморок упала. Но, несмотря, ни на что, они продолжили самоотверженно присутствовать на операциях.

После тяжелых операций государыня как могла, утешала раненых за их жен и матерей. За тех же, кто умирал на ее руках, она молилась на солдатских могилах и спасала их души горькими слезами. И хотя великие княжны были царских кровей, но, по сути, это были самые обыкновенные девушки. Они спасли жизнь многим солдатам и офицерам. В порыве добрых чувств Романовы отдали под госпитали даже свои дворцы, расположенные в Царском Селе, Красном Селе, Павловске и Гатчине.

Вскоре общий суматошный крик стих. Все успокоились, остались лишь следы былого возбуждения. Дальше полилась тихая и спокойная речь.

- В Царском Селе у меня великая княжна Ольга Николаевна присутствовала на операции.

- А меня Татьяна Николаевна с государыней помогала оперировать - с ними и боли не было.

И вдруг разговор принял совсем другое направление.

- До чего ж довел Россию Романов.

- Ну не скажи государь правил разумно. Разве он устроил эту жизнь? А где чиновники, где генералы были?

- Но что теперь будет с Россией?

- Здесь не надо быть пророком, чтобы предсказать, что добром это не кончится. Народ столько лет пребывал под самодержавием, что переполнился лютой ненавистью.

- Но без царя - не будет и казаков. Нам что уготована одна судьба?

- Ну, ты сказал! Казакам от царей крепко доставалось. Царь Петр, подчиняя себе волю казаков, залил кровью и слезами донскую землю. Казаков вешали, рубили, стреляли, сожгли множество городков. Тогда цари сломили казачью волю и слепили из них слепых воинов. Однако они забыли, что казак, это прежде всего воля.

- А сколько кровушки казачьей пролилось в восстаниях против царей: Разин, Пугачев, Булавин. Нет такой посуды, чтобы измерить казачью кровь.

- И в то же время цари даровали казакам много благ, наделили хорошими землями. Казаки единственные кому разрешалось не кланяться и не ломать папаху перед царями.

- Землей наделили? Мы что не заслужили ее? Что-то не было желающих бросать родные места, осваивать дикие земли и подвергать себя опасности. Сколько голов казаки положили за отечество – не сосчитать.

- Житье собачье, зато слава казачья!

- Не то думаете и, не то говорите казаки. Запомните крепко мои слова: без царя не будет и казаков. Зачешете потом тупые затылки, если они у вас целыми останутся.

- Вот пристал как степной репей. Разве мы можем добровольно отказаться от своего прошлого и от того, о чем все время мечтали.

- Не трусись! Береженого Бог бережет, а казака сабля!

- Да мы и так уже пропали. Нам никогда не простят девятьсот пятого года.

- Если у власти останутся большевики - точно пропадем. Они давно обещали извести нас.

- А причем тут они? Нам Бог завещал жить по-казачьи, а по-иному нам и не жить.

- А может ничего страшного не произойдет? Может и мы по-новому заживем?

- Не думаю, что нам солнце будет по-другому светить.

Постепенно разговор сошел на нет и раненые занялись кто-чем. Одни играли в шашки, в карты, травили анекдоты, чинили одежду или обувь. Другие стриглись, брились, писали письма или просто лежали на кровати, уставившись отрешенными глазами в белый потолок. Картина была самая мирная, если бы не перебинтованные раны. Это быстро напоминало о вспыхнувшей на Урале Гражданской войне.

Платону ничего не хотелось делать, тянуло просто лечь на больничную койку и забыться. Неожиданно ему пришла в голову мысль, что неплохо было бы написать письма своим родителям и Дарье Чернавиной. Извелись, наверное, они, не получая от него никаких вестей.

- У тебя нет пера, чернил и бумаги? – спросил он соседа.

- Зачем тебе?

- Письма хочу написать.

Сосед вытащил из прикроватной тумбочки все, что Платон просил. Макнув перо в чернильницу, казак начал писать письма. Перелыгин писал так, что брызги летели в стороны. И хотя он старательно выводил строчки, но они выходили кособокими.

На письма у Перелыгина ушло много времени. Было очевидно, что он испытывал с этим делом определенные трудности. Ему приходилось долго раздумывать над каждым словом и предложением. Платону хотелось, чтобы письма получились яркими и теплыми. Но все получилось просто в его изложении.

Перелыгин отложил ручку в сторону и пробежал глазами по тексту письма к Дарье:

“Здравствуй, дорогая Дарья! Я получил легкое ранение, поэтому ты ни о чем не беспокойся, потому что все уже позади. Сейчас я чувствую себя гораздо лучше. Но до конца лета придется провести время в госпитале. После излечения меня командируют домой для восстановления здоровья.

Я извещу тебя о примерной дате отъезда и приезда…”

Едва Платон закончил перечитывать письмо к Дарье, перед его глазами всплыло ее печальное лицо. Ему вспомнился последний день перед его отъездом из Старого Хутора. Погода в тот денек стояла тихая, теплая, поэтому молодые люди несколько часов провели на реке под тенистым утесом. Чуть приподнятый и мелодичный голос девушки тогда звучал спокойно. Это придавало особый блеск ее словам.

При вспоминании любимого образа девушки Платона невольно увлекло в родной хутор. Как день без солнца прожить не может, так и Перелыгин без милой жить не мог. Стосковался казак по Дарье, о чем он и писал в своем письме к ней. И хотя между ними никогда не было произнесено ни одного слова о любви, но они и без всяких слов знали, что любят друг друга.

“Скорей бы увидеть Дарью”, – с нежностью и отчаянием подумал Платон.

Вечером все процедуры и обходы закончились, больничные шумы стихли и в затененных палатах установилась тишина. Когда больные и раненые занялись своими нехитрыми делами, Перелыгин взял в руки книгу Льва Толстого в народном издании и с упоением начал читать увлекательную повесть “Казаки”.

Прошло несколько недель, и раненые казаки начали покидать стены уютного госпиталя. Платон с завистью смотрел на излечившихся товарищей. Ему страшно наскучило валяться в палате среди тяжелых больных. Казаку нестерпимо захотелось на волю.

- Когда вы меня выпишете? – спросил он однажды лечащего врача.

- Забудьте об этом, вы нуждаетесь в длительном лечении.

В госпитале Перелыгин не один раз вспомнил своего ангела хранителя, который помог ему остаться на этой бренной земле. И с каждым новым днем его глаза живо разгорались, а на бледных губах разыгрывалась улыбка.

Платон не терял надежду на скорую встречу с Дарьей.

***

Весной в Старом Хуторе на деревьях распустились листочки, а в прошлогодней траве просочилась зелень. Ночи укоротились, дни удлинились и замелькали неприметно.

Когда стояла тихая утренняя синь и по небу неслись пухлые облака, Старый Хутор утонул в лощине. И только по дыму из труб можно было догадаться о том, что здесь стоят хаты. Полосатым утром в хуторе готовились к завтраку. Казаки и казачки топили печи, шли к коням на конный двор и доили коров.

Позавтракав, Никифор Шутемов, Семен Перелыгин, Иван Чернавин и Прохор Селенин запрягли коней в широкую телегу и тихой дорогой двинулись в лес, чтобы поохотиться на диких зверей. За плечами охотников висели торбы и ружья, следом неслись охотничьи собаки. Вскоре они растянулись по всей дороге. Неожиданно впереди темной стеной встал хвойный лес. Охотники вошли в лесное царство и в оглушительную тишину. Угрюмый лес молчал, как будто тая какую-то тайну. На первый взгляд могло показаться, что в сонном лесу нет ни зверей, ни птиц. Не пробежит волк, не проскочит лиса и не пролетит птица. Но это было обманчивое впечатление, потому что многие звери и птицы находили себе здесь пристанище.

В воздухе было свежо и в лесу висел серый сумрак. И небо светилось такой узкой щелью, что нельзя было угадать, в какой стороне вставало солнце. Лес становился все глуше и безмолвней. Его мертвая тишина навевала тоскливое настроение. Изредка разносился по лесу то крик охотника, то ржанье лошади, то лай собаки. Иногда разлапистые ветви свисали так низко, что казаки задевали их своими папахами.

На лесной тропе с трудом умещалась одна телега. Кое-где приходилось останавливаться, вываливаться из телеги, чтобы освободить дорогу от валежника. Кони выбились из сил, пока казаки добрались до цели.

Углубившись в лес, охотники услышали характерные звуки, которые производили кабаны. Приблизившись к поляне, казаки пустили вперед собак и, засев в засаду, стали терпеливо дожидаться животных. По настойчивому лаю, охотники поняли, что собаки обнаружили зверя. Обойдя диких свиней с наветренной стороны, они погнали животных прямо на казаков. Однако кабаны, словно что-то почувствовав, остановились на самом краю поляны и, подняв кверху тупые носы, стали усиленно нюхать воздух.

И как только приблизился разноголосый лай собак, животные как по команде бросились бежать в глубь леса, чтобы покинуть опасное место. Но несколько кабанов кинулись через поляну в сторону охотников. Селенин вскинул ружье, выстрелил и дикая свинья, резко мотнув головой, свалилась с ног. Выстрел Семена Перелыгина тоже оказался удачным. Другие охотники оказались менее удачливыми, поэтому многим кабанам удалось уйти невредимыми.

Едва низкое солнце упало за стройные сосны, казаки закинули тяжелые туши на сани и направили коней к заброшенной избушке лесника. И вдруг Селенин услышал короткий рев.

- Это медведь ревет, – тихо промолвил он и шутливо предупредил:

- Смотрите – попадетесь медведю.

- Вот охотники – медведя испугались! – притворно изумился Шутемов.

- А если добудем медведя, как делить будем шкуру?

- Пока медведь не убит, нечего и шкуру делить, – лениво отмахнулся атаман. - Утром пойдем охотиться, а пока заночуем в старой избушке.

Через короткое время охотники добрались до сложенной из толстых бревен избушки, которая по самые окна утонула в земле. Кое-как раскрыв дверь, казаки сложили в углу вещи и занялись кто-чем. Одни казаки взялись разделывать тяжелую тушу дикой свиньи, другие натаскали сухих дров и задали корма коням.

Скоро между двумя соснами загорелся яркий костер. Легкий ветер, раздувая пламя, не давал затухнуть костру. Иногда он постреливал угольками и распространял пахучий смолистый дымок. После того как угли нагорели, Селенин на жаркий огонь повесил небольшие куски мяса и котел с водой. Бурно кипя, кипяток застучал металлической крышкой, через полчаса приготовилось мясо. Запеченное на огне мясо и чай на духмяных травах получились вкусными.

Ужинали в теплой избушке и при зажженной лампе с треснутым стеклом, часто мигавшей под слоем сажи. Все разговоры на время прекратились, лишь иногда кто-нибудь произносил шутливые фразы. Когда ужин закончился, полились охотничьи истории. С кем что случилось, и кто что видел. А рассказывать было о чем. Охота для казаков была не только забавой, но и опасным занятием.

И хотя охотничьи байки рассказывались уже не один раз, но все слушали их как будто впервые.

- Однажды мы с Платоном пошли охотиться на кабанов. Засели в засаду и стали ждать, когда собаки выгонят диких свиней. Через некоторое время из кустов на поляну выскочил кабан, - начал повествовать Семен Перелыгин, – я выстрелил - и промазал, а следом - выскочила целая стая диких свиней, а у меня ружье не заряжено.

- Эх, горе-охотник – целое стадо упустил.

- Самому обидно было!

- Как-то осенью мы с Никитиным отправились охотиться на косуль, – подхватил охотничьи байки Селенин. – Они выскочили на нас неожиданно. Никитин встал во весь рост, выстрелил и смазал. И косуля с ходу налетела на него, сбила с ног и давай топтать копытами. Если бы я не застрелил ее, то она бы втоптала его в землю. Я его спас от верной смерти.

- Да, много опасностей на охоте случается, – раздумчиво протянул Шутемов. - Немало казаков в хуторе имеет ранения от охоты.

- Я, наверное, продам свое ружье, – вдруг сказал Семен.

- Да ты что, Семен. Платон вернется - охотиться будет.

- У него душа не лежит к охоте.

- А где у тебя он сейчас находится?

- Лежит в госпитале, – скупо ответил Перелыгин.

- Вернется - женим на Дарье Чернавиной.

- Да-а-а, Платон жених хоть куда.

- И Дарья тоже ничего! Будут любоваться всю жизнь друг на друга.

- Только бы война закончилась, – медленно проговорил Семен.

- Закончиться, не будет же она продолжаться вечно.

Надвинулась глухая уральская ночь и в лесу установилась удивительная тишина и спокойствие. На мглистом небе одна за другой загорались яркие звезды. От искрящегося воздуха в лесу стало немного светлее. Но на небе пространство было намного ярче, чем на земле.

Подложив дров в печку, казаки, не раздеваясь, разлеглись на широком топчане. Голоса стихли, реплики зазвучали все реже. Вскоре разговоры и вовсе прекратились. Кто-то из казаков попробовал завести новый разговор, но ему уже никто не ответил. Дружный храп известил, что охотники уснули.

Ясная ночь прошла скоротечно. Перед рассветом на небе появилась светлая полоска утренней зари. После этого звезды померкли, и темнота ушла на запад. Затем на востоке взошло негреющее солнце, и по всему горизонту распространился свет. Ворвавшийся в маленькое оконце солнечный луч, известил охотников о том, что уже наступило утро.

Казаки нехотя поднялись, раздули огонь и, закусив вчерашним мясом, отправились в лес, где злой ветер, как бешеный кидался на деревья. Он трепал охотников, коней, но через час успокоился, и в лесу наступила такая тишина, что охотники даже услышали, как под копытом

осторожного лося хрустнула ветка. И вдруг кони, тревожно всхрапывая, заводили ушами и боязливо прижались друг к другу.

Собаки быстро нашли опасного медведя. Едва зверь вскочил из-под огромного корня поваленного дерева, собаки сорвались с места и, подняв злобный лай, завертелись вокруг озверевшего животного. Рев медведя и лай собак слились в один шум. Стоя на задних лапах, озверевший косолапый отбивался от собак. Неожиданно одна из собак попала под удар и, дико завизжав, отлетела в сторону. Яростно рыча, медведь подмял ее под себя и мгновенно раздавил. Затем зверь оставил собак в покое и кинулся в сторону охотников. Чернавин навскидку выстрелил и пуля, пролетев сквозь зеленую хвою, воткнулась в медведя.

Собаки дружно накинулись на тяжело раненого зверя.

- Не стреляйте собак зацепите! – вскрикнул Селенин.

Раненый медведь собрал последние силы и уже мертвым обрушился на Семена Алексеевича. Казаки подскочили к Перелыгину и с трудом стащили с него тяжелого зверя. Собаки бросились терзать огромную тушу медведя. Отогнав собак, Селенин помог Семену встать на ноги.

- Он же мог меня задрать, - растерянно сказал Перелыгин.

- А ты не задирайся на тех, кто сильнее тебя, - ответил атаман и казаки рассмеялись над шуткой, но Семену было совсем не до смеха.

Нахмурившись, Перелыгин немного сморщил губы, а атаман раскурил трубку.

- Никогда не теряй головы, когда охотишься на медведя, – обмолвился Никифор и, выпустив изо рта длинную струю дыма, выколотил трубку об дерево.

Солнце скрылось из виду, из низин потянуло холодом. После полудня охотники сняли шкуру с убитого медведя, все собрали, сложили и кони зашагали из леса.

Казаки остались в восторге от охоты. К вечеру они вернулись в хутор.

***

В солнечный день, когда на Урале все живое пробудилось к жизни, а свежие листья и трава наполнили воздух потрясающим запахом, Дарья вышла из школы, чтобы попрощаться с учениками. Она радовалась, что смогла справиться со школьной работой, и что у нее все получилось. Следом за ней на улицу шумно высыпали дети.

– До свидания, Дарья Ивановна!

- До свидания, дети!

Учеба закончилась, начались летние каникулы. Оставшись одна, девушка чуть приметно улыбнулась и присела на скамью под липой. Медовые запахи цветущих черемух и яблонь наполнили хутор. Все казачьи дворы утонули в белом цвете.

По синему небу тихо плыли дымчатые облака, отражаясь на земле серыми тенями. И вдруг огромная клубящаяся туча властно накрыла солнце и сквозь разрывы яркие солнечные лучи ударили по хутору. Все стихло под утренними лучами яркого солнца, переливным огнем загорелись стекла деревянных изб.

Солнечные лучи пригрели колени девушки, а вместе с ними раскрытую книгу со стихами Пушкина. Закрыв глаза, Дарья подставила ласковому солнцу смуглое лицо, и оно прикоснулось к нему горячими губами. Легкий ветерок обвеял лицо, шею и плечи девушки. Благодарно улыбнувшись солнцу и ветру, Дарья по-девичьи помахала им рукой:

– Здравствуйте!

Неожиданно на ветке синичка завела веселую песню. Дарья встала, протянула к ней руки, но птичка, испуганно вспорхнув с ветки, улетела. Скоро солнце разгорелось так сильно, что девушке стало приятно сидеть и слушать неуловимые звуки природы. Когда ее душа запросилась в синеву неба, она шумно вздохнула.

На Дарью нахлынули непрошенные воспоминания. Прошлым летом хутор остался без учителя, поэтому в один из первых осенних дней казаки собрали круг и приняли решение, что детей должна учить Дарья Чернавина, но девушка наотрез отказалась от предложения. Вечером того же дня хуторской атаман пришел к Чернавиным.

- Иван, надо учить своих детей и лучше, чем Дарья нам не найти, – сказал Никифор и под его широкими усами проскользнула едва уловимая улыбка. - Поговори с дочерью, может, она согласится учительствовать.

Иван коротко позвал дочь:

– Дарья!

Дочь вышла к отцу, сдвинув к переносице строгие брови.

- Атаман просит тебя стать учителем в хуторе. – ласково сказал Иван. – И я уверен, что ты с этим делом справишься.

Внутренне он был рад, что жители хутора доверили своих детей его дочери.

- Попробуй, Дарья. Если не получится – не получится, тогда другой разговор. Но мы будем помогать тебе всем, чем сможем, – умоляюще произнес Никифор и его пунцовые щеки запрыгали на грубом лице.

- Хорошо, завтра я приду в школу, – отчеканивая каждое слово, ответила Дарья.

Обрадовавшись, Никифор протянул девушке ключи от школы и, Дарья, тяжело вздохнув, с неохотой взяла их. Пока она не передумала, Никифор быстро попрощался и с радостным видом ушел от Чернавиных.

Ранним утром Дарья отправилась в школу и сразу же окунулась в работу. Целую неделю она днем пропадала в школе, а вечером допоздна готовилась к урокам на следующий день. Дети полюбили Дарью всем сердцем и говорили своим родителям, что она лучше прежнего учителя, хотя в первый же день они довели ее до слез. Дарья задала ученикам задание, но дети вместо того, чтобы решать его, стали шуметь и разговаривать на уроке. Не выдержав, Дарья расплакалась и ушла в комнату учителя.

Обескураженная Катя Перелыгина хмуро попросила Данилу:

- Поговори с Дарьей Ивановной, пускай она вернется в класс. Скажи, что мы больше не будем плохо себя вести.

Когда младший брат вошел в комнату, сестра сидела за столом, прикрыв заплаканное лицо ладонями.

Смутившись, Данила суетливо пробормотал:

- Тебя просят вернуться в класс. Сказали, что больше не будут шуметь.

- Иди, Данила, я сейчас приду.

Дарья сидела на скамье тихая и грустная. Нахлынувшие воспоминания перебил звонкий цокот копыт и теплый ветер, шумно перелиставший страницы потрепанной книги.

– Здорово дневали, Дарья! – поздоровался атаман верхом на коне.

Нестерпимо синие глаза Дарьи широко распахнулись:

- Слава Богу, Никифор Евсеевич.

– Как у тебя идут дела?

- Все хорошо идет.

– Спасибо за твою работу. Завтра казаки придут делать ремонт в школе.

Почтительно поклонившись, Дарья коротко улыбнулась.

- И вам спасибо, Никифор Евсеевич, за вашу заботу о хуторе.

Шутемов достал из-за пазухи потрепанную бумагу.

- Держи письмо от Платона, только что привез.

Вскочив с места, девушка схватила тонкими пальцами долгожданное письмо и по ее губам снова расползлась приятная улыбка.

- Спасибо, Никифор Евсеевич!

Атаман ответно улыбнулся: Дарью в хуторе все любили. Всегда веселая она всюду вносила тихую радость. Каждый норовил сказать ей что-нибудь приятное и хорошее. Никто не мог отвести глаз от девушки. Не было ни одного казака, который увидел Дарью и не полюбил ее.

Особый склад ума привлекал к ней людей. Завидя ее, молодые казаки невольно заламывали папахи, а старики, глядевшие на мир с грустью, вдруг становились радостными. Удивительно, что до сих пор никто не сделал ей предложение.

Сдерживая нетерпеливого коня, Никифор проехал к церкви, а Чернавина, чуть не запрыгав от радости, ухватилась за исписанный листок обеими руками. Раскрыв конверт, Дарья чуть вздрагивающими губами начала читать письмо. Счастливая девушка читала и перечитывала его бесконечно. Письмо Платона было тоскливым и теплым. Простые и бесхитростные слова взволновали ее сердце. Дарье даже почудился убаюкивающий голос казака. Она просто не могла оторваться от письма!

Поглядев в синее небо, девушка бережно погладила листок рукой.

- Бог даст - увидимся! – беззвучно прошептала она.

И вдруг ветер принес от церкви приглушенный голос Прохора Селенина:

– Никифор, сходим к Чернавиным, хочу сосватать Дарью за своего сына.

– Да ты что с ума сошел! - отрезал Никифор. – Поздно ты спохватился.

– Но Дарье сватов никто не присылал, – вкрадчиво обронил Прохор.

Чувствовалось, что атамана сильно удивило, как казаку могла в голову прийти нелепая мысль, которая никогда бы не пришла другому. Все знали - эта девушка любила только одного Платона.

– Не пойду и тебе не советую, – донес ветер ответ Шутемова.

Улыбнувшись, Дарья сложила письмо, пахнущее лекарствами, и убрала его в карман. Платон действительно нравился девушке. Он был стройным, широкоплечим, с русыми волосами и с серыми глазами. Дарья любила его сильные руки, его чистый взгляд и широкую улыбку. Ее радовали задор и живость казака. Впрочем, Дарья тоже уже вся заневестилась. Она ему ни в чем не уступала.

Вдруг девушка услышала приближающиеся шаги. Она обернулась на шум и увидела сына местного купца Банникова. Не доходя до Дарьи, Федор остановился.

- Отец просит, чтобы вы забрали в школу книги из нашего дома. Мы сегодня покидаем хутор.

- Передай, что я сейчас приду с ребятами, – с живостью откликнулась Дарья.

Девушка собрала детей и вместе с ними пришла к двухэтажному дому купца с парадным крыльцом на церковную площадь. Во дворе стояли три груженые разным скарбом подводы, две пролетки и немногочисленные жители хутора.

Анисим встретил Дарью с детьми на крыльце, шутливо поклонившись.

- Проходите в дом.

На первом этаже стояли два больших шкафа для книг. На позлащенных переплетах играло солнце и пахло книжной затхлостью.

Купец густо пробасил:

- Забирай книги, Дарья. Не нашлось для них места на телеге. Пусть дети читают.

Дарья взглянула и обомлела - она таких книг в глаза не видела. Даже ничего не понимающий в этом человек сразу бы понял, что это достаточно дорогие книги, потому что они были в добротном переплете. Каких только книг тут не было. В одном шкафу стояли книги: Пушкина, Толстого, Лермонтова, Ломоносова, Тургенева, Давыдова, а в другом: Жуковского, Баратынского, Соллогуба, Гончарова, Полежаева. И многие другие русские поэты и писатели, которых Дарья не успела отметить.

- Спасибо вам, Анисим Гаврилович, за книги. Дети очень будут рады, потому что школа не имеет своей библиотеки. Будем рады снова увидеть вас в хуторе. – растерянно произнесла Дарья. - Счастливого вам пути!

В голосе купца прозвучала робкая надежда:

- Спасибо, Дарья! Бог даст – свидимся.

Мягко ступая по земле, дети с радостью понесли книги в школу, а семья купца взгромоздилась на гужевой транспорт.

Едва Анисим вывел подводы со двора, жители разноголосо закричали вслед:

- Прощай, Анисим.

– Скатертью дорога!

- Куда бежишь, если вся Россия в огне, - догнав подводу, спросил старый казак, но купец, ничего не ответив, поморщился.

- Пускай убирается ко всем чертям! – донеслось вслед.

Короткий обоз вышел за хутор и за конями потянулся шлейф пыли. Как только замирающие скрипы повозок пропали, толпа с шумом хлынула со двора. Люди разошлись по хатам, и хутор затих, как перед бурей.

Когда Дарья пришла домой, то сразу же увидела, что кошка Лиска с черно-белой шерстью держит в зубастой пасти серого воробья. Девушка мгновенно подскочила к ней, освободила маленькую птичку из ее острых зубов и выпустила воробья в раскрытое окно, откуда врывался в комнату свежий и чистый воздух. Счастливый воробей сделал круг перед окном, что-то радостно прочирикал и улетел в потревоженный мир.

- Передай Платону, что я его очень жду! – прошептала вслед спасенной птичке Дарья и, вытащив благословенное письмо, прижала к груди.

Ни разу не целованные губы девушки страстно прошептали:

- Приезжай скорей, казак! Я очень жду тебя!

Вечером она пришла на утес и долго смотрела в речную воду и на покрытые лесом берега. Ей так захотелось увидеть своего казака, что она неожиданно расплакалась.

- Хоть бы разочек его увидеть! – заломила в тоске руки девушка.

Глубокое чувство все сильнее и сильнее захватывало душу девушки. Хотя еще недавно она была совершенно спокойна. Девушка уже не могла обходиться без Платона ни одного часа. Теперь она отчетливо понимала, что любила только одного казака. И отныне Дарья каждое утро просыпалась с одним и тем же именем на губах и это имя было Платон.

***

И Перелыгины, и Чернавины уже давно приготовились к венчанию Платона с Дарьей. Они хотели справить такую пышную свадьбу, чтобы о ней в хуторе потом долго толковали. В свадебных хлопотах родители даже крепко подружились. Но от Платона уже долго не поступало никаких известей, поэтому неотступная тревога терзала сердце Дарьи.

Каждый день девушка выезжала на дорогу и, бросив поводья на холку лошади, из-под ладони подолгу всматривалась вдаль. Вот и сегодня Дарья выехала на самый длинный участок дороги и спрыгнула с лошади. Девушка села на придорожный камень, заслонила ладонью глаза от солнца и стала безотрывно смотреть в конец дороги. Прошло полдня, но на дороге не появилось ни одного всадника. От переживаний тихий вздох тронул губы Дарьи, а возле грустных глаз с густыми тенями, собрались тонкие молодые морщины.

На красивом лице Дарьи выросла неизбывная печаль. Казачка и днем, и ночью переживала за Платона. Иногда ей приходила в голову мысль, что казак просто не хочет к ней возвращаться. Какая-то неизвестная тоска поселилась в ее душе.

Целыми днями Дарья предавалась думам о Платоне, и редкую ночь казак не являлся к ней во сне. Девушка берегла мысли о любимом казаке, как святыню. С давних пор она стала сдержанной и молчаливой. Скука и печаль полностью овладели Дарьей.

Не приносили успокоения ни посещение церкви, ни веселые дети. Дарья не охотно поддерживала разговоры с родителями. Горькие мысли совсем утомили девушку. Дарье недоставало ее любимого казака, без него ей было скучно. Как рыба без воды, так и Дарья не могла жить без своего Платона. Девушка так сильно скучала, что бралась за любую работу, чтобы отойти от невеселых мыслей и от тревоги. Но они так рвали ее душу, что даже домашняя работа не отвлекала от тоскливых дум. От них в голове Дарьи туманилось, а сердце словно кипятком обливалось. Не находили себе места и мать с отцом, видя терзания свой дочери.

“Что поделалось с ее любимым казаком? Почему его до сих пор нет? Неужели разлюбил он свою казачку?” – спрашивала сама себя девушка и не находила ответа.

Когда наступил вечер и туман запутался в зеленой траве, Дарья снова возвращалась в хутор ни с чем. Она скакала, не управляя лошадью. Неожиданно Марта свернула к утесу.

- Ты куда, Марта? Впрочем, давай заедем.

Как только лошадь пришла на берег, Дарья соскочила на землю, подошла к краю утеса и ей стало страшно. Высота была такой, что можно разбиться насмерть.

“Если ты не вернешься, то мне не жить без тебя” – вдруг мелькнула в ее голове страшная мысль.

Дарья присела на камень, и долгое время сидела без движения.

Устав ждать, лошадь стала нетерпеливо теребить ее за плечо мягкими губами и девушка, очнувшись, сказала животному, как человеку:

- Счастье, Марта, что вольная птица. Сядет туда, куда захочется. Поехали домой, Платон сегодня не вернется.

Лошадь согласно закивала головой и Дарья, легко запрыгнув в седло, поскакала в хутор. Во дворе девушка соскочила с лошади, запустила ее на конный двор и ушла в избу, где ее уже ждал горячий ужин.

Наскоро поужинав, Дарья помогла матери прополоскать и развесить на веревках белье. И едва она легла спать, как в комнату тихо вошла Анастасия Васильевна и с тревогой посмотрела на печальную дочь. Бессильно опустив глаза, Дарья лежала молча.

- Что ты убиваешься зря? Жив Платон, скоро вернется. Я это чувствую.

- Спасибо, мама, ты меня успокоила.

После слов матери Дарья засияла радостной надеждой. Грустная и безучастная ко всему дочь, заметно оживилась.

- Не езди больше на дорогу. Просто жди, он сам приедет.

- Я бы рада мама быть спокойной, да только тревога меня совсем обуяла.

Мать серьезными глазами посмотрела на дочь и поняла, что настаивать на чем-то было бесполезно.

- Все будет хорошо. Приедет Платон - свадьбу сыграем. Мы вам уже припасли приданое. В сундуке лежит: столовая посуда, постельное и нижнее белье, да и серебро мы скопили для вас. Отец даже револьвер припас Платону. Негоже казаку быть без оружия. Все готово к вашей свадьбе.

- Давай платье померяем?

- Сейчас принесу.

Мать вышла из комнаты и быстро вернулась со свадебным платьем. Девушку охватило сильное волнение, ее щеки раскраснелись. Дарья при помощи матери надела красивое платье, подбежала к длинному зеркалу и стала разглядывать себя со всех сторон.

- Ну, как? – улыбнувшись, спросила она.

- Это платье на тебе хорошо глядится, дочь. Светлый цвет тебе к лицу.

Настроение девушки заметно улучшилось, Дарья вся искрилась.

- Какая ты красивая в этом платье!

- Правда?

Дарья действительно в эту минуту выглядела прекрасно.

- Да! Замуж выйдешь за любимого - то-то у тебя будет счастье, то-то будет жизнь, - ответила мать и вдруг вспомнила свою жизнь: - А у нас никакой свадьбы не было. Иван пришел со своими родителями и с бутылкой. Вот и вся свадьба. Мне всего-то семнадцатый годок шел. Много слез я пролила пока со свекровью жила. Больше года я не видела жизни, поэтому отец хочет сыграть громкую свадьбу. Своей не видали - хоть вашу поглядим.

- Хорошо я постараюсь быть веселой. Только бы Платон вернулся, а то без него у меня не будет никакой жизни.

- Он обязательно вернется - иного и быть не может. Вы же искренно любите друг друга.

- Мама, я не представляю себе другого мужа. Мое сердце нашло единственного казака. Мне другой муж не нужен.

- Ох, дочь! Жизнь длинная – все еще будет у вас. Поживешь на свете, всего натерпишься. Лишь бы не колотил тебя и другую себе не завел.

- Кто? Платон? Что ты, мама? Он никогда не посмеет поднять на меня руку. Он очень меня любит.

- Дай Бог!

- Мама, он даже дышать на меня боится! Платон сказал, что всю жизнь будет любить меня, – со страстным увлечением воскликнула Дарья.

- Казаки чего только не скажут, чтобы завоевать сердце казачки.

- Платон другой, он не такой как все.

- Молись Божьей Матери она не оставит тебя в беде, - произнесла Анастасия Васильевна и ушла спать, оставив в сердце девушки праздничное настроение.

Дарья обратила взор на темный лик Божьей Матери на Табынской иконе и, сложив крестом руки, стала читать молитву:

- Наста днесь пресветлый праздник, Пречистая дева, честныя Твоея Табынския иконы, Владычице, яже паче лучей солнечных возсия …

Не отрывая глаз от лица девы Марии, девушка молилась искренно. Ее слова шли от самого сердца, а душа утонула в молитвах. Молитва звучала с таким страданием, что вокруг все примолкло. Дарья даже чуть прослезилась.

- Матерь Божья, оставь мне Платона живым. Я каждый день буду тебе молиться, и жечь лампаду перед тобой!

Несмотря на то, что Дарья молилась со страстным чувством, лик Божьей Матери все равно остался темным. Хотя издревле было широко известно, что она открывает свой лик избранным людям.

Все знали, что впервые образ Святой Богородицы явился дьякону в шестнадцатом веке в селе Табынском, расположенном в ста верстах от Уфы. В далекий день один дьякон возвращался с покоса домой через соляной источник и вдруг услышал чей-то голос. Вначале он подумал, что ему почудилось, но голос вновь повторился. Осмотревшись по сторонам, дьякон заметил возле источника икону и с радостью принес в монастырь. С тех пор Табынская икона Божьей Матери стала предметом всеобщего почитания монастырской братии, местных жителей и уральских казаков. Она исцеляла, успокаивала, помогала и защищала семью с домом.

Однако в восемнадцатом веке во время башкирского бунта монастырь разрушили, и святая икона бесследно пропала. В следующий раз Табынскую икону Божьей Матери на том же месте и на том же камне обнаружили двое башкир. Из ненависти к другой вере один из них начал ее рубить, однако она осталась неповрежденной, но это не осталось без последствий для обоих башкир. За совершенное кощунство над иконой они тут же ослепли. Правда один из них

тут же раскаялся в своем поступке и прозрел. Обрадованный башкир принес икону Божьей Матери в село Табынское, рассказал о случившемся жителям и люди в радости отнесли икону в отстроенный заново монастырь.

Неожиданно Дарье привиделось, что по щекам Божьей Матери сбежали слезы.

- Что случилось? – опасливо вскликнула девушка и, подскочив к иконе, посмотрела на нее испуганными глазами.

Дарья провела по темному лику Божьей Матери белой рукой и не почувствовала влаги. Сердце девушки мучительно забилось, а к горлу подступили рыданья. И хотя она всеми силами пыталась удержать слезы, но они хлынули из ее глаз неудержимо. Обычная веселость из девичьей души куда-то пропала.

- Зачем я плачу? Ничего же не случилось. Может это игра света.

Каждый день у Дарьи проходил в тоске и думах, и они все время росли. В воспоминаниях девушки светлым образом вставал тот, кому девушка отдала свое горячее сердце. Дарьина душа истомилась от неизвестности и неизбывной тоски. Несмотря на обещание матери, она становилась печальной.

Дарья с утра до вечера стирала, стряпала, ухаживала за животными и подолгу сидела у окна, чтобы отвлечься от тяжких дум. В свободное время девушка читала молитвы, но чуть ли не каждую ночь ей снились тяжелые сны. Дарья даже подумала, что они неспроста к ней приходили. Они как будто на что-то ей указывали. И хотя ее сердце всегда чувствовало беду, но что предвещали ей ночные сны, она не могла понять.

И все же, несмотря ни на что, Дарья продолжила жить светлыми надеждами на скорую встречу и на счастливую жизнь с любимым человеком. Каждый божий день она вставала на колени перед иконой и зажженными лампадами и усердно просила Бога, чтобы Гражданская война не разрушила ее счастье.

В это время в хуторе царил беззвучный покой.

***

Утром Перелыгин вставал и делал то, что он делал каждый день: одевался, мылся, брился. И скоро его здоровье улучшилось настолько, что он запросто мог заниматься любыми делами. Но о полном выздоровлении не могло быть и речи. По утрам ему с кровати подниматься было трудно, потому что боль сразу же отдавалась во всем теле. Хотя рана уже почти затянулась, оставалась только краснота на месте ранения.

Однажды утром Платон привел себя в порядок и отправился на последнюю перевязку. В перевязочном кабинете была все та же сестра милосердия, которая очень походила на его Дарью. Войдя, Платон заметил, что во взоре Елизаветы промелькнули живые искры, а на щеках появились красные пятна.

Загоревшийся взор казака поддался обаянию сестры милосердия. Его строгое лицо смягчилось, и он невольно залюбовался ею, проявив восхищение. В ее образе и ее глазах было то, чего не было в других девушках. Своим ясным взором она, как будто пронзила его душу. Казак испытал волнующее чувство, которого давно не испытывал. Это чудесное ощущение казаку было знакомо. Такое не раз случалось при встречах с Дарьей, но все же к своей казачке у него было совсем иное чувство. Оно было настоящим и полностью владевшим его душой и сердцем.

Перелыгин безотрывно загляделся на Елизавету, как на икону, облив строгим взором лицо молодой женщины. Печаль придавала прелести ее красивому лицу. Сестра милосердия смутилась пристального взгляда Платона. Ее лицо с правильными чертами невольно дрогнуло, но через минуту к нему вернулось строгое выражение. Зябко поведя плечами, она поправила тонкими пальцами белый воротник на обнаженной шее.

- Не мешайте мне работать.

Сердце Платона неровно и сильно забилось. Он стоял не в силах сдвинуться с места. Хотя это произошло в одно мгновение, но Платону показалось, что оно длилось очень долго. Красавица пленила казака, отчего в его душе стало свежо и чисто. После первого чувства недоумения Платона охватила радость.

Не один раз в его сознании возникал в те дни миловидный образ сестры милосердия. Потом она всю дорогу неотступно преследовала казака. Это чувство не покинуло его до самой встречи с Дарьей.

- Спасибо и до свидания, – попрощался Платон, едва сестра милосердия закончила перевязку.

- Ваши слова подразумевают следующие свидания, но будет лучше, если вы больше не вернетесь к нам. Может быть, я говорю грубо, но пусть это будет так. Идите к доктору и прощайте!

- Прощайте!

Перед тем как войти в кабинет доктора, Платон посмотрел на свое отражение в зеркало и не узнал себя. Казак изменился настолько, что перед ним стоял как будто чужой человек.

Удивленно качнув головой, Перелыгин отворил дверь.

- Как вы себя чувствуете? – тут же спросил доктор.

- Мне кажется, что хорошо, – уверенно ответил Платон.

- Надоело лежать? Ну что ж я вас больше не могу держать.

- И я смогу продолжить службу? – обрадовался Перелыгин.

- Об этом не может быть и речи, – доктор внимательно поглядел на казака. – Сейчас вы к ней не годитесь. Вы нуждаетесь в длительном отдыхе. Не раньше, чем через год-два восстановитесь. Поезжайте домой и выздоравливайте. Ступайте к главному врачу, он вас выпишет.

- Спасибо, доктор! Прощайте!

- Прощай, казак! Я думаю, что тебе незачем будет возвращаться на службу. Скоро все закончится.

Приоткрыв дверь, Платон хотел что-то сказать, но неожиданно передумал.

- Подождите! – вдруг окликнул доктор. – Возьмите последнюю нательную иконку. Это великие княжны во время европейской войны прислали в госпиталь. Придет беда - она тебе обязательно поможет. Казаки говорят, что помогает.

Перелыгин взял иконку и, зажав ее в руке, вышел из кабинета. Вскоре он выписался, получил документы и сразу же отправился в казарму.

Стоял тихий, теплый день и на деревьях нахохлившиеся вороны кричали друг на друга. Путь до казармы оказался недолгим, у ворот казака остановил часовой в небрежной позе.

- Куда идешь?

- В сотню возвращаюсь, я в госпитале лечился.

- Здесь никого нет, всех казаков отправили на фронт.

- Но там находится мой конь и личные вещи.

- Иди к дежурному офицеру.

Перелыгин прошел в дежурную комнату и предъявил офицеру командировочное удостоверение на отдых. Дежурный поставил печать в удостоверении, выдал жалованье, личные вещи и отвел в конюшню.

- Фронта больше нет, поэтому дождись возвращения своей сотни, вместе с ними уйдешь.

Ночью луна прорвалась сквозь тучи и с удивлением смотрела на уснувшего казака в опустевшей казарме. Задолго до утра звезды побледнели и одна за другой погасли. Затем возникли утренние сумерки и сонная тишина. Потом на востоке в широкую полосу рассвета устремился белый свет и на горизонт взгромоздилось горячее солнце. Едва земля осветилась, слабый ветер загулял по улицам и растрепал верхушки деревьев.

Когда в светлый и теплый день в казарму вернулась небольшая горстка молодых казаков, Платон жадно спросил:

- Слава Богу, казаки! Где остальные?

- Погибли, остались только те, кого ты видишь.

- Что случилось?

Казаки оживленно заговорили.

- Вся территория занята красными, поэтому нам надо уходить или в Сибирь, или в Тургайскую степь, - высказал общую мысль Павел Селенин.

- Нет, нужно возвращаться в Старый Хутор! – решительно возразил Роман Чернавин.

- Что мы забыли в тургайской степи или в Сибири? – поддержал его Матвей Никитин. - Не пойдем к киргизам или сибирякам!

Осип Шутемов казался изнуренным и раздражительным.

- Воевать нужно! Либо грудь в крестах, либо голова в кустах! – горячо воскликнул он и его разноголосо поддержали другие казаки.

- По-другому и быть не может! Казак это, прежде всего воин. Мы не можем сидеть и ждать, когда нас всех перебьют. Зачем навязывать нам новые правила, ценности и чуждые перемены? Ведь у нас традиции веками складывались. С нами не хотят разговаривать как с равными. Мы или должны безоговорочно подчиниться, или навсегда отказаться от прежней жизни. И то, и то одинаково неприемлемо для нас. Это же смерти подобно.

- А как я смогу зажить другой жизнью, если мои предки до седьмого колена были казаками. Проще умереть и не жить, чем перестать быть казаком. Это же для нас, как глоток свежего воздуха. Разве мы можем без боя отказаться от казачества?

- Не горюйте казаки: с нами Бог! – воскликнул Осип.

- С нами Бог! – откликнулся Матвей.

- Однако от нас теперь ничего не зависит, – устало проговорил Роман.

- Эх, а что сейчас творится на казачьих землях. Многие станицы сгорели. По всей казачьей земле не осталось ни одного не тронутого хутора или станицы, а некоторые совсем исчезли, как будто там никогда и не жили казаки. Вся земля превратилась в пустыню. В уцелевших станицах остались в основном женщины, старики и дети. Мы заплатили огромную цену, выступив против большевиков, – сокрушенно покачал головой Павел.

- Что правда, то правда.

- У нас последняя победа была, когда мы разбили Чапаева в Лбищенске, а потом мы только отступали.

- Как это случилось? – живо спросил Платон.

Часто моргая ничего не выражавшими глазами, Селенин стал рассказывать:

- Мы тайно подобрались к Лбищенску и ударили ранним утром. Спросонья они не знали куда бежать, потому что мы стреляли отовсюду. Красные отступили к реке, поплыли на другой берег, но и в воде наши пули их настигали. В этом бою погибло очень много чапаевцев и немало сдалось в плен. Однако с нашей стороны потери оказались невеликими.

- Чапаев погиб?

- Чапаев в бою получил тяжелое ранение. Во время отступления его на заплоте переправили на другой берег и там схоронили.

Казаки смолкли под впечатлением разговора, а Платон ушел в тяжелые мысли, ломая голову над тем, как поступить в сложившейся ситуации. Никогда на его душе не было столь тягостного и противоречивого чувства. Какой смысл идти туда, где все валится в тартарары? Лучше уж возвратиться в родной хутор. Там старикам не на кого положиться. Ведь они их единственная и слабая защита.

- Утром двинемся в Старый Хутор, – твердо решил Перелыгин и строго добавил хриплым голосом: – На молитву папахи долой!

Помолившись и спешно поужинав, казаки сложили свои думные головы на подушки и всю ночь слушали, как за окном шумел и не умолкал разросшейся верхушкой тополь.

***

Летом одна тысяча девятнадцатого года Белая Армия перешла в наступление и достигла временного успеха. Затем она выдохлась и началось повсеместное отступление белых на восток. Потом в июле – августе на Урале установилась советская власть, а в сентябре под Актюбинском Оренбургское казачье войско потерпело тяжелое поражение от Красной Армии. В то же время атаман Дутов с остатками войск ушел в Семиречье и там соединился с атаманом Анненковым. Только атаман Толстов Уральского казачьего войска из последних сил держался за свою территорию.

Скоро хуторские казаки отправились в Старый Хутор. К этому времени на Урале уже прочно установилась печальная и унылая осень. Деревья в перелесках стояли, словно облитые разноцветными красками. Сухие листья с шуршанием падали на землю, в степи тихо шептались травы и громко кричали птицы.

Вечером осеннее солнце скатилось за горизонт. Дорога тянулась с юга на север серой лентой, то выгибаясь, то выпрямляясь. Из-под копыт лошадей крупными облачками летела пыль, покрывая всадников тонким слоем пыли.

Впереди за косогором показалась небольшая речка, над которой висли могучие ветви старого тополя.

- Стой! Здесь разобьем стан на ночлег, – спрыгнул с коня Перелыгин возле развесистого дерева. – Лучшего места нам не найти.

Усталые казаки со строгими лицами посыпались на землю, как горох из мешка. Они выглядели, как крестьяне после тяжелого труда на поле. Всадники вначале походили, разминая затекшие ноги, а затем стали выбивать из одежды мелкую пыль.

Взмыленных коней расседлали и тут же отвели на водопой. Подрагивая всей кожей, животные жадно хватали губами с поверхности реки холодную воду. Кто-то въехал на лошади прямо в воду. Скоро напоенных коней стреножили и пустили пастись по рыжей траве. Тяжело дыша, рысаки рвали мягкими губами сухую траву.

- Умыться бы в речке, – устало сказал Осип Шутемов.

Скинув с себя пыльную одежду, казаки по густой траве прошли к реке. На берегу поднялся шум и гвалт. Казаки вымылись, натянули на влажные тела одежду и поставили палатки, а потом с шутками-прибаутками натаскали сухих дров.

Через несколько минут на берегу разгорелся ровным пламенем костер, взвился серый дымок. Петр Вальнев повесил на огонь большой походный котел, огромный чайник и стал готовить горячий ужин. Осип Шутемов с Павлом Селениным зашли в реку с бреднем и, раскинув от берега до берега, потащили его против течения. Иногда они выходили с бреднем на берег и, вывалив на траву серебристую рыбу, снова шли в реку. Рыбешка попадалась разная, но в основном это были чебак и окунь. Вскоре на берегу образовалась большая кучка из рыб.

Как только из котла повалил вкусный парок, душистая уха заплескалась через край и зашипела на раскаленных углях. Варево получилось густым и пахучим. Перекрестившись, казаки подсели поближе к котлу и тесно сгрудились вокруг огня. Однако места всем около костра не хватило.

Обжигаясь, казаки слизывали с губ и ложек густой жир.

- Какая вкусная уха!

- Давно не хлебали ушицы на свежем воздухе.

- Гляди не лопни от ухи.

- Ну ты скажешь! От еды еще никто не пропадал.

Казаки ели уху так дружно, что у Павла сломалась ложка.

- Вот навалился - даже ложка сломалась.

- Наверное, уха слишком наваристой оказалась.

Когда запыхтел огромный чайник, казаки отведали горячий чай.

- Ну что, – улыбаясь, сказал Матвей, едва все насытились, - с доброй песней и путь короче, и жизнь краше, и смерть легче. Споем нашу любимую песню.

Захмелевшие от сытости головы у казаков кружились, а глаза сами собой слипались. Но Матвей Никитин, раздвинув меха гармони, откашлялся и приятным баритоном запел старинную уральскую песню:

Держались мы три дня, две ночи,
Две ночи долгия, как год,
В крови и, не смыкая очи.
Затем мы ринулись вперед...

Казаки подхватили песню басистыми голосами, и песня разнеслась по речной глади. Она звучала так громко, что даже птицы притихли, слушая казачью песню.

Платон с закрытыми глазами раскачивался из стороны в сторону и беззвучно шевелил губами. Среди молодых и дружных голосов у Осипа был самый душевный голос. Его глаза сияли, как у начищенного самовара.

Мы отступали; он за нами
Толпами тысячными шел,
И путь наш устилал телами,
И кровь струил на снежный дол.

Лихая песня взвилась в небо и унеслась за вечернюю падь. Едва шумная и полная тревоги песня замерла, в чистом воздухе стало совсем тихо. После песни казаки крепко задумались над тем, что им судьба уготовила. Так ничего и, не поняв, они дружно загомонили.

- Веселы привалы, где казаки запевали!

- Люблю наши казачьи песни. В них столько удали и простора, что они берут прямо за сердце. Их подолгу слушать хочется. - Платон поднялся на ноги и вдруг спросил: - А кто такие казаки? Откуда они взялись?

- По Карамзину – беглый люд, – с иронией сказал Осип.

- А если глубже копнуть?

Поведя плечом, Матвей с горячностью сказал:

- Беглые? Бежали на судоходную и многолюдную реку? Под самый бок Турецкой империи? Тогда бежали в какие-нибудь бы дебри, где б их никто не сыскал. И сидели бы там ниже травы, тише воды. Так нет же, они беспокоить и бить турок начали. От испуга, что ли стали вдруг храбрыми и искусными воинами?

- Казаки не вели своей истории. Кто теперь скажет, откуда мы пошли.

– Не морочьте себе голову! Казак от казака ведется. Казаки есть и всегда будут, потому что не формой славен казак, а духом.

- Русские мы – ничем не отличаемся, - вскрикнул Никитин.

Шутемов с улыбкой посмотрел на него и молча покивал головой.

- А ведь многие казаки пошли за красными и выступили против казаков.

- А казаки ли они? Это, наверное, те самые и есть беглые, которых мы напринимали в казачество на свою голову, а потом царские генералы повели против нас потомков беглых

крестьян и каторжников. Они не понимают, что и сами сидят на пороховой бочке. После нас возьмутся за них, - промолвил Матвей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.